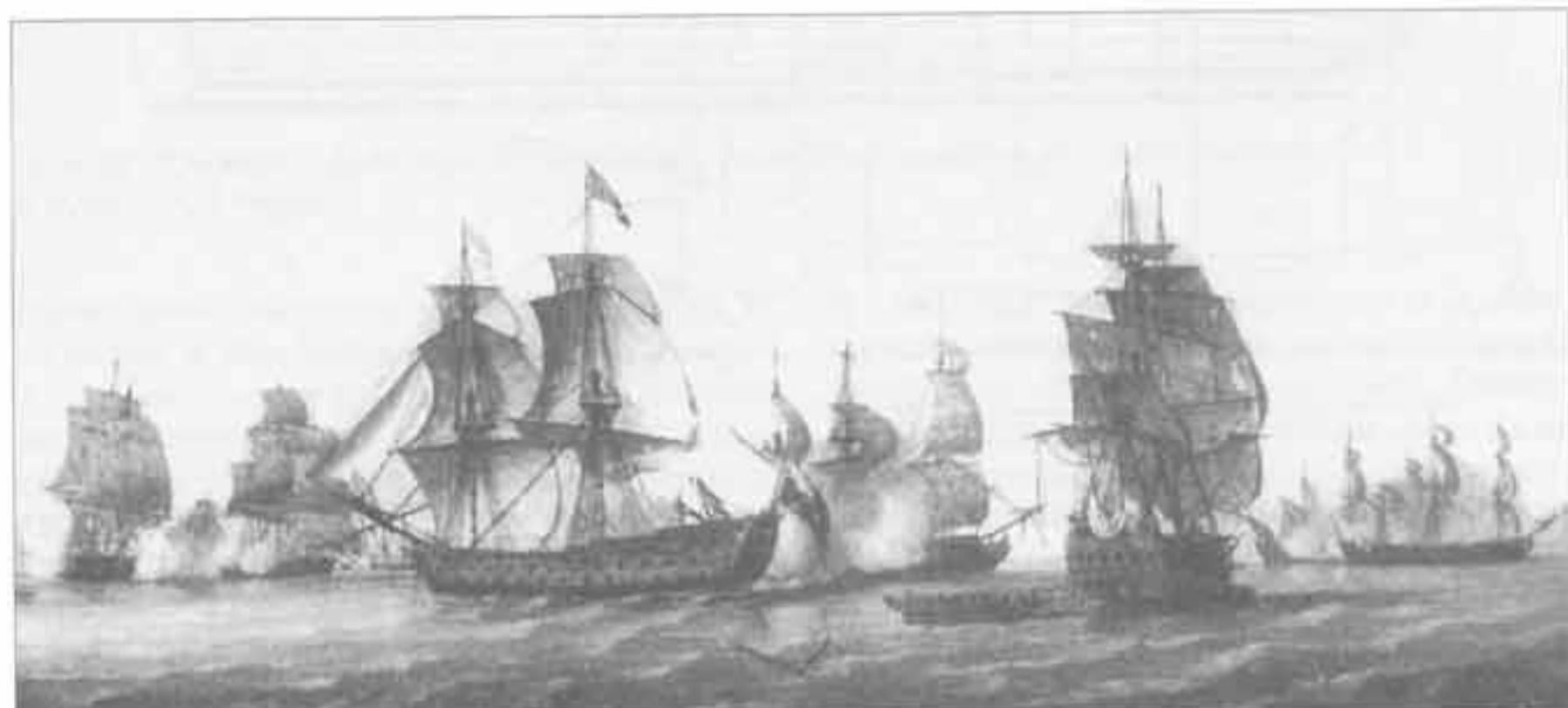

Военно-морское противостояние в Семилетней войне 1756–1763 годов: итоги и уроки

А.А. Лебедев

Сражение у Лагоса 18 августа 1759 года. Художник Т. Льюин

Важнейшим конфликтом середины XVIII века, весьма серьезно повлиявшим на политическое и военно-морское развитие России и стран Европы, стала Семилетняя война 1756–1763 годов.¹ Именно в ходе нее Англия выиграла у Франции борьбу как за господство на морях, так и за колонии. Именно в ходе нее морская война во всей красе показала свою значимость. И, наконец, именно в ходе нее было подтверждено развитие флотов и военно-морского искусства предшествующего времени.

Значимой оказалась Семилетняя война и для русского флота, в развитии которого, начиная с кончины Петра I кризис чередовался с застоем. Фактически данная война стала первой после его смерти возможностью Балтийского флота получить сколько-нибудь серьезную практику. В данной статье мы попытаемся проанализировать эту войну с точки зрения сравнения военно-морского искусства ее участников, а также указать то влияние, которое она имела на последующее развитие флотов ведущих морских держав.

Хотя период правления Елизаветы Петровны нередко и имеют временем возрождения флота, однако в реальности имелись лишь отдельные достижения, важные только на фоне периода царствования (1730–1740 гг.) Анны Иоанновны. Так, например, несколько выросла численность флота, увеличилось число линейных кораблей более крупных рангов и сократилось более малых,

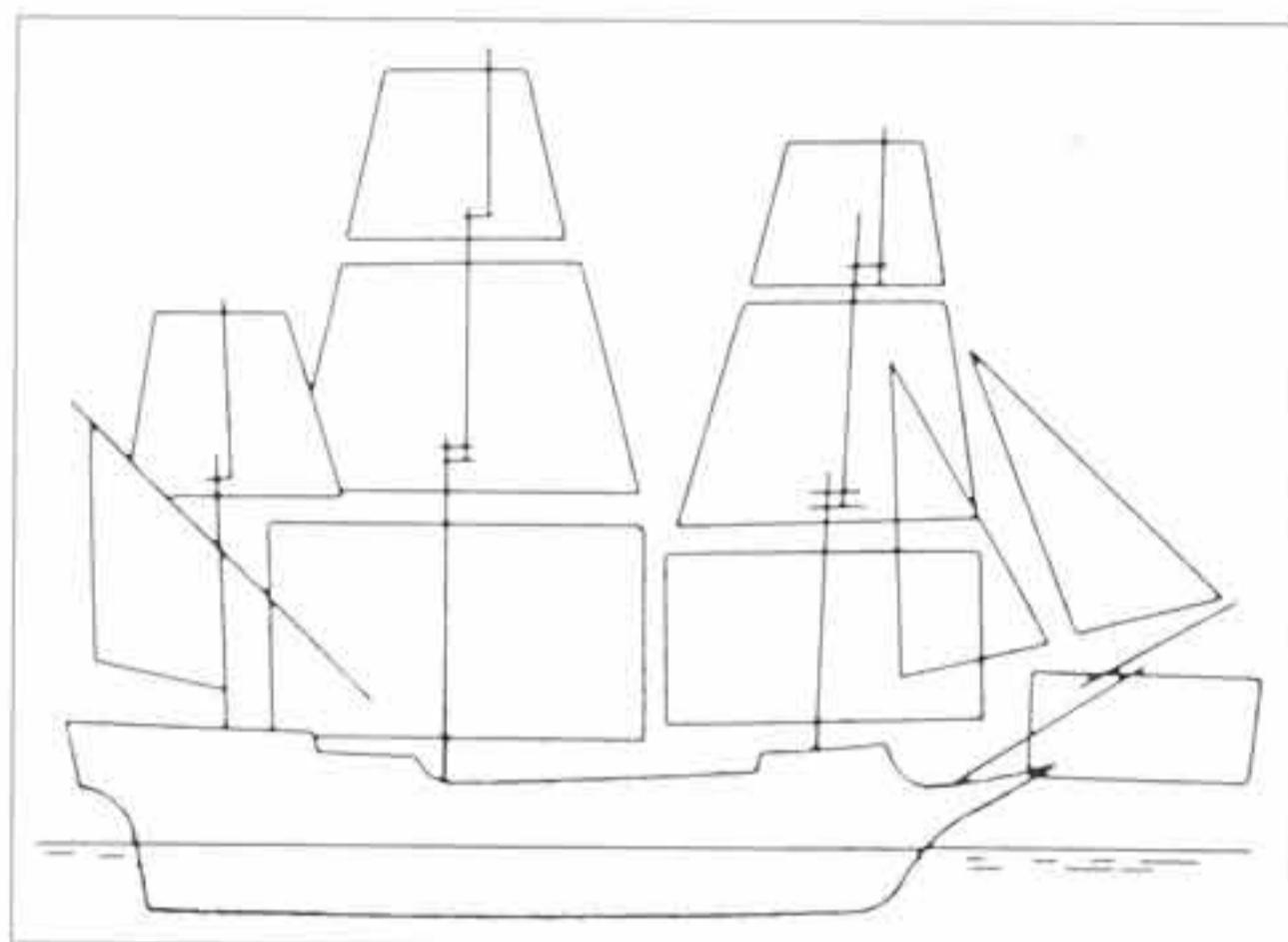

Схема парусного вооружения русских линейных кораблей и фрегатов в 1726–1777 годах

относительно возросли показатели выхода флота в море. Но в целом же ситуация оставалась весьма плачевной.

Так, согласно штату 1757 года, Балтийский флот должен был насчитывать 27 линейных кораблей (1 100-, 8 80-, 15 66- и 3 54-пушечных) и 6 фрегатов. Однако в 1757 году в наличии имелись только 21 линейный корабль (1 100-, 3 80-, 14 66- и 3 54-пушечных) и 6 фрегатов. При этом состояние четырех кораблей и двух фрегатов было близким к критическому. Новых же

кораблей насчитывалось всего шесть (2 80- и 4 66-пушечных).² На кораблях остро ощущалась нехватка личного состава, а служившие моряки имели весьма ограниченный опыт плаваний (если до 1752 г. в море выходили суда Кронштадской и Ревельской эскадр, то с 1752 г. — только Ревельской). Низким оставалось и качество русских кораблей.

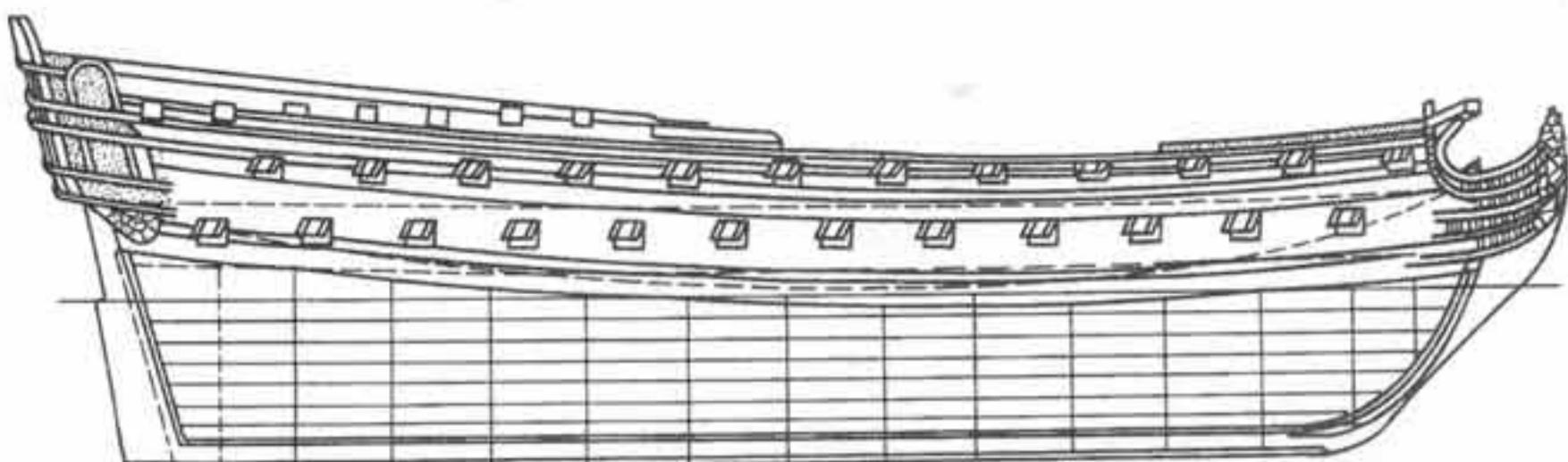
Известный историк флота Ф.Ф. Веселаго так описывал Балтийский флот времен Елизаветы:

«Корабли его, при недостаточной крепости постройки, имели так же, как и прежние, слабый рангоут и такелаж и выходили в море с недостаточным числом команды, пополняемой иногда солдатами. Недоброкачественная провизия, испортавшаяся в деревянных бочках вода, недостаточно хорошая одежда и неблагоприятные гигиенические условия, общие впрочем, всем флотам того времени, по прежнему развивали на судах болезни и сильную смертность. При таком состоянии судов, едва флот выходил в море, как при первом свежем ветре на многих судах открывалась сильная течь или важные повреждения... Были случаи, что в свежий ветер слабосильная и малочисленная команда корабля не могла поднять своего якоря и, чтобы вступить под паруса, приходилось обрубать канат...».

В конце 1740-х годов расстройство флота дошло до такого состояния, что Адмиралтейств-коллегия в 1748 году решилась просить А.П. Бестужева-Рюмина довести до сведения Елизаветы Петровны, «что весь флот и адмиралтейство в такое разорение и упадок приходят, что уже со многим временем поправить оное трудно будет». Поэтому

Семилетняя война оказалась для Балтийского флота весьма кстати.

В ходе нее русские моряки впервые получили довольно широкую практику плаваний, что было особенно важно на фоне застоя флота в предшествующее время. Кстати, уже кампания 1757 года подтвердила все старые проблемы русского флота. В частности, первые же

«Слава России» – типовой 66-пушечный линейный корабль русского флота в 1732–1774 годах

активные действия русских эскадр и отрядов в Балтийском море показали: корабли плохо выдерживали свежий ветер, у них ломались мачты, отходила обшивка, то тут, то там обнаруживались гнилости. При штормах же они терпели столь большие повреждения, что приходилось уходить в порт для серьезного ремонта. Кроме того, на русских кораблях обозначилась ужасающая заболеваемость и смертность.³ Наконец, действия флота в 1757 году сразу же привели к чувствительным потерям. В тот год погибли фрегат «Вахмейстер» и прам «Элефант».

Между тем, использовался Балтийский флот в Семилетней войне Конференцией при высочайшем дворе весьма ограничено. Самыми боевыми получились кампании 1757 года (участие во взятии Мемеля) и 1760–1761 годов (участие в операциях против Кольберга). В ходе операций по взятию этих крепостей, особенно Кольберга, где прусские береговые батареи оказали достаточно упорное сопротивление, Балтийский флот несколько расширил свой опыт действий против приморских укрепленных пунктов противника. Так, во время действий против Мемеля Ревельская эскадра контр-адмирала В.Ф. Льюиса обеспечила блокаду Мемеля, Пиллау и Кенигсберга, а отряд А. Вальронда провел бомбардировку самого Мемеля совместно с сухопутными войсками. В итоге тот сдался без штурма.

Операции же против Кольберга оказались более напряженными.

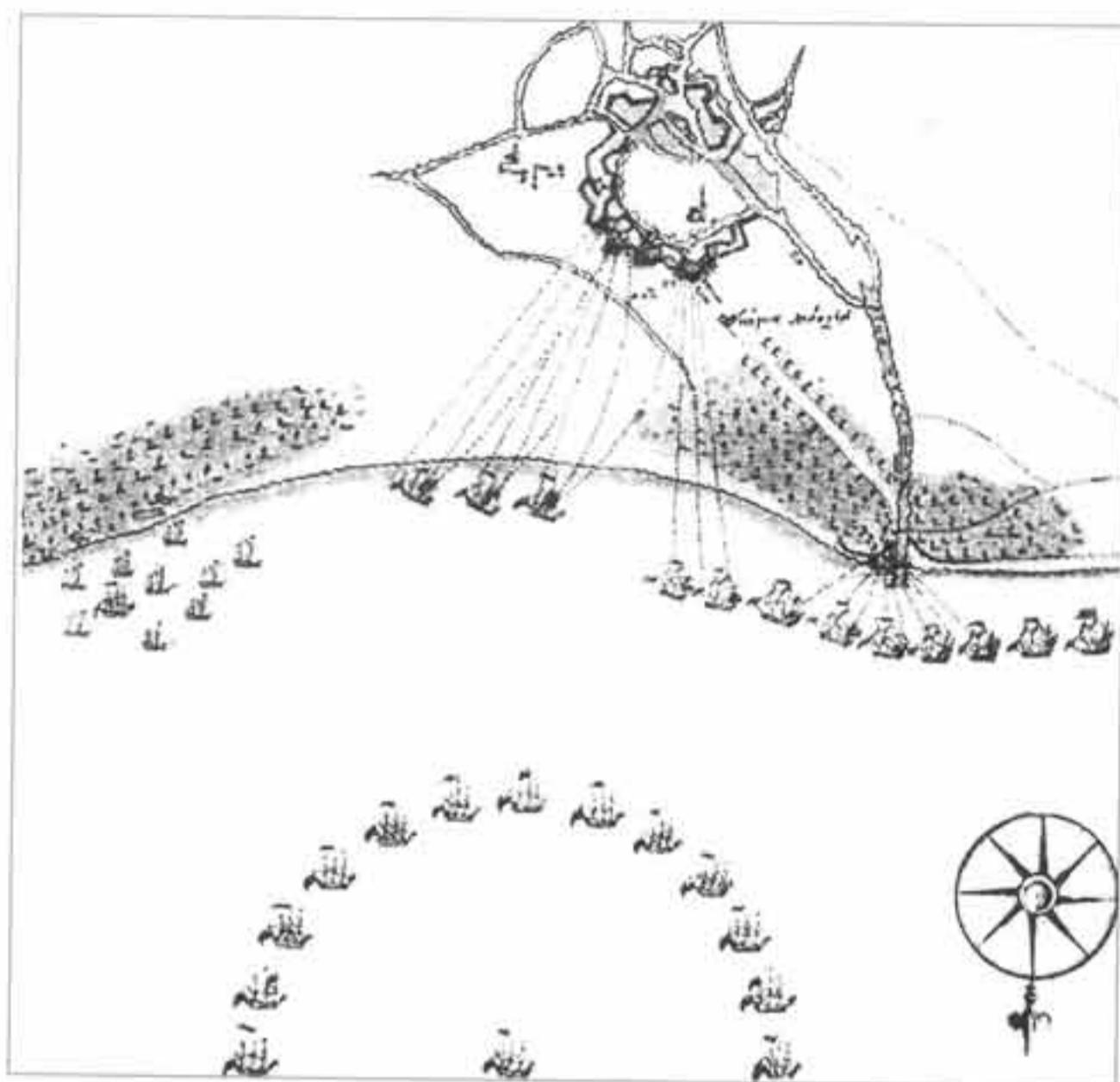
В 1760 году эскадра адмирала З.Д. Мишукова своим огнем сумела подавить береговые батареи и высадить десант, но подошедшие к крепости прусские подкрепления заставили русских десантников, бросив артиллерию и припасы, погрузиться обратно на корабли. По возвращении в Кронштадт Захария Да-

Императрица
Елизавета
Петровна.
Неизвестный
художник
VIII века

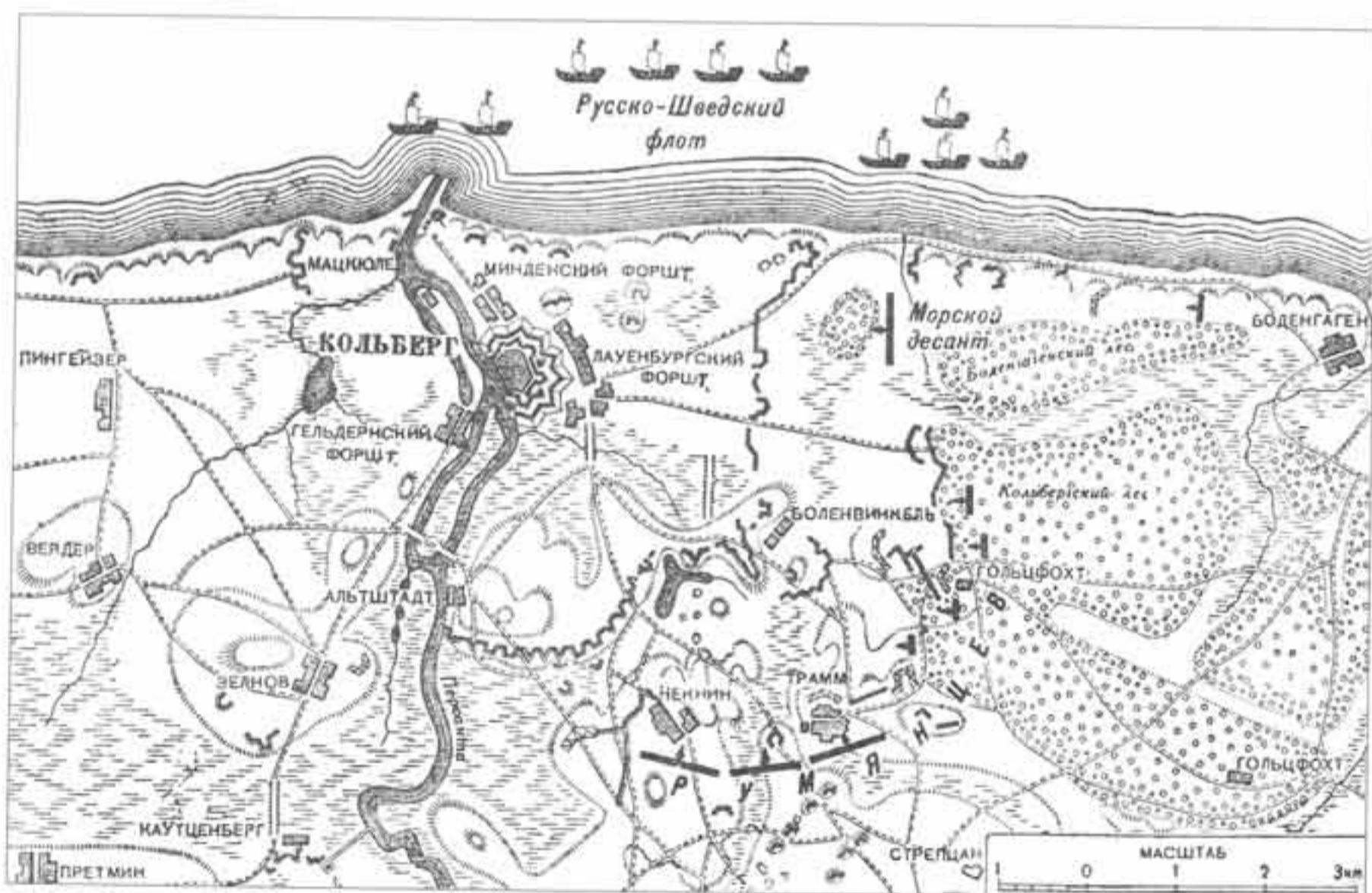
ниловича отстранили от командования Кронштадтской эскадрой и отдали под суд. Конференция признала его виновным в задержке высадки десанта в два первых дня и в том, что он более полагался на бомбардировки.

В 1761 году русский флот (теперь под командованием вице-адмирала А.И. Полянского) вновь появился под Кольбергом. На этот раз его действия оказались более успешными. В частности, как отмечал в своей работе Н.М. Коробков, при проведении Кольбергской операции 1761 года «без помощи флота невозможно было бы ни своевременно сосредоточить под Кольбергом необ-

Бомбардировка
Кольберга русским
флотом 17–18 августа
1760 года

Операция по взятию
Кольберга в 1761 году

ходимые силы, ни доставить осадную артиллерию, ни наладить продовольственное снабжение». Кроме того, «на

первом этапе осады флот сыграл громадную роль в изоляции Кольберга от Штеттина, пресек возможность достав-

ки в Кольбергскую гавань продовольственных припасов и, наконец, оказал большую помощь в активных операциях против крепости».

Именно «флот обеспечил возможность занятия Кольбергского побережья и нанес тяжелый урон противнику своей бомбардировкой...».⁴ Кстати, корабли эскадры А.И. Полянского в 1761 году впервые получили и применили как средство вооружения единороги, которые существенно повысили их огневую мощь. Не менее важно и то, что в операции против Кольберга в 1761 году удалось организовать тесное взаимодействие блокирующих его русской армии (генерал-поручик П.А. Румянцев) и флота (А.И. Полянский).

Следует также отметить и первые крупномасштабные крейсерства русского флота на Балтийском море, имевшие целью блокаду берегов Пруссии. Они проводились в 1757 и 1759 годах. В кампании 1757 года крейсерство по-переменно осуществляли сначала Ревельская эскадра в районе Мемель — Кенигсберг, затем часть сил Кронштадтской эскадры в районе Данцига, и наконец, снова Ревельская эскадра также в районе Данцига.

В 1759 году крейсерство вела уже одна Ревельская эскадра, правда, теперь совместно со шведскими судами, в районе побережья Померании, а также в Балтийском море между Кольбергом и Карлскруной с целью защиты морских сообщений от нападений прусских каперов, а также на случай прорыва английского флота (последнее, скорее всего, было лишь формальной задачей, поскольку Ревельская эскадра имела лишь пять линейных кораблей и три фрегата).

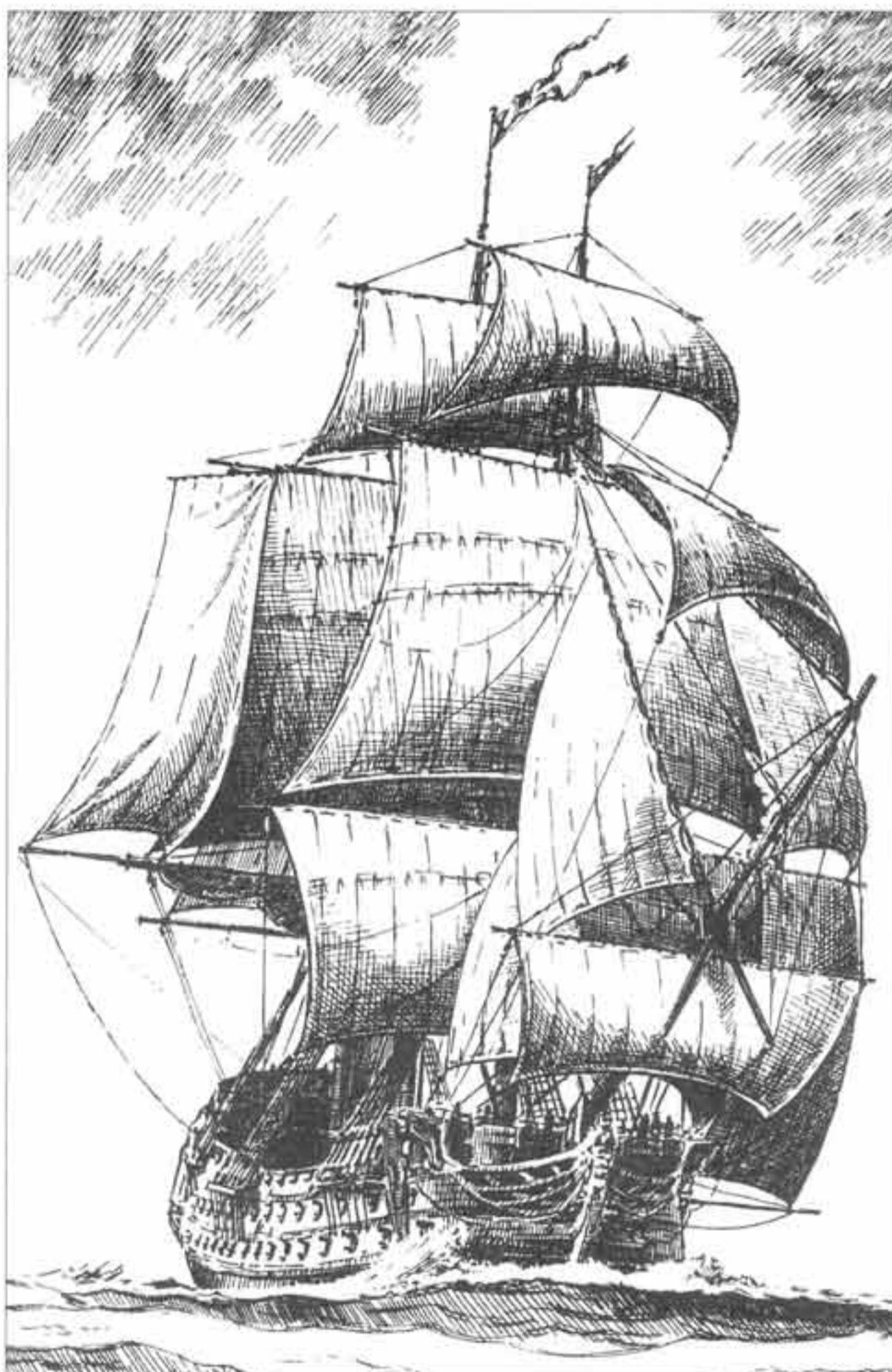
В ответ же на активизацию действий прусских каперов Россия в 1759 году объявила полную блокаду прусских берегов: вход в прусские гавани был запрещен для всех судов, а все суда этой страны стали рассматриваться как призы. В ходе указанных крейсерств русские моряки получили опыт действий как в составе эскадры или отряда кораблей, так и форме плаваний одиночных судов.

А вот насколько эффективной оказалась организация прикрытия датских проливов от английского флота, сказать сложно: ход войны не позволил проверить это на практике. Правда, выполняя в 1758 году задачу по закрытию проливов, русская эскадра З.Д. Мишукова совместно со шведами имела только 23 линейных корабля — 17 русских (в том числе один госпитальный) и 6 шведских. Да и появление ее перед датскими проливами произошло достаточно поздно — лишь в начале июля!

Каковы же итоги участия русского флота в Семилетней войне? С точки зрения военно-морского искусства, Балтийский флот выполнил следующие виды действий: крейсерство вдоль побережья неприятельской страны с целью пресечения коммуникаций и торговли противника, борьба с неприятельскими каперами, перевозка грузов для нужда армии, блокада приморских крепостей, артиллерийский обстрел их и высадка тактических десантов, закрытие датских проливов на случай появления английского флота.

Однако при этом серьезного противодействия он не имел, поскольку Пруссия сколько-нибудь значимым флотом не располагала. Соответственно, русский флот не получил ни опыта ведения морских сражений, ни опыта действий в условиях противостояния с равным себе противником. Несмотря на доставшееся господство на море, не приобрел Балтийский флот и опыта масштабных действий против побережья противника, аналогичного хотя бы опыту ударов по территории Швеции в 1719—1721 годах. Невелики оказались и трофеи в лице торговых и транспортных судов, хотя Пруссия при Фридрихе II начала развивать торговый флот (удалось задержать и захватить около 30 судов).

Наконец, не меньшей проблемой являлось и то, что кроме Балтики русские моряки практически не знали других морей. Средиземное море казалось для них чем-то недостижимым. «Гибралтар нашим кажется концом света!» — писала Екатерина А.Г. Орлову в начале Ахипелагской экспедиции. Более того, за два месяца до выхода эскадры Г.А. Спиридо-

100-пушечный линейный корабль «Святой Дмитрий Ростовский» — участник обоих экспедиций против Кольберга.
Художник А.В. Карелов

ва из Кронштадта она просила русского посла в Лондоне И.Г. Чернышева тайно раздобыть у англичан морскую карту Средиземного моря и Архипелага.

Да что там Архипелаг! Несмотря на недавнюю войну с Турцией 1735–1739 годов, когда Донская флотилия П.П. Бредаля действовала на Азовском море, даже по нему не составили нормальных карт. Про Черное море говорить уже не приходится. Таким образом, полученный русским флотом в Се-

милетней войне опыт в целом оказался весьма ограниченным.

Тем не менее, справедливости ради следует отметить, что для такого итога и объективные причины имелись: отсутствие флота у Пруссии, замкнутость театра военных действий и политика Конференции при высочайшем дворе, делавшей основную ставку на сухопутный театр военных действий⁵ (хотя два наиболее значимых для России успеха — взятие Мемеля и Кольберга —

принесли именно совместные действия русской армии и флота).

Однако для целого ряда других итогов войны смягчающих факторов у руководителей российского флота быть уже не может. В частности, война практически не повлияла на основные (они же и застарелые) проблемы русского флота — низкое качество кораблей, острая нехватка личного состава

«Еще ж ваше императорское величество повелели, чтоб матрозы и все нижние служители каждый в своем звании сведуши и научены были. На то всеподданнейше представляется по адмиралтейскому регламенту, должности коллежской по 112 артикулу, повелено флот не меньше половины, а иногда и весь, для экзерции на море иметь. По содержанию сего артикула до военного случая из флота для экзерции посыпано было в море по несколько караблей, а как военное время наступило, то и весь флот в употреблении был, чрез что матрозы и другие нижние служители каждый в своей должности и обучение получают (курсив мой. — Авт.)».

То есть война началась, началась и подготовка.⁶

Таким образом, фактически наиболее значимым результатом Семилетней войны для русского флота стало лишь выдвижение вперед таких флагманов и офицеров, как А.И. Полянский, Г.А. Спиридов, И. Спиридов, А.Н. Сенявин, И.М. Селиванов, Е. Ирецкий и других, которые затем и заложили фундамент для дальнейшего развития флота при Екатерине II. С утверждением же Н.М. Коробкова о том, что война улучшила качество кораблей, согласиться не приходится.

Более того, Семилетняя война, наоборот, четко обозначила одну в дальнейшем закрепившуюся особенность русских кораблей: их, как правило, хватало лишь на несколько напряженных кампаний (т. е. на одну войну!). В качестве подтверждения приведем следующие данные. В 1757 году в составе Балтийского флота числился 21 линейный корабль. В 1758–1761 годах в строй вошли еще девять единиц, однако за это же время флот лишился пяти кораблей (два разбились, а три разломали за ветхостью).

Тем не менее к началу 1762 года Балтийский флот формально обладал аж 25 кораблями. Но из линейных кораблей, начавших войну (за вычетом погибших и разломанных), 11 являлись

(в 1762 г. на флот требовалось 6 708 человек!), высокая заболеваемость и смертность (в 1757 г. число больных на Кронштадской и Ревельской эскадрах достигло двух тысяч человек), формальное отношение к боевой подготовке.

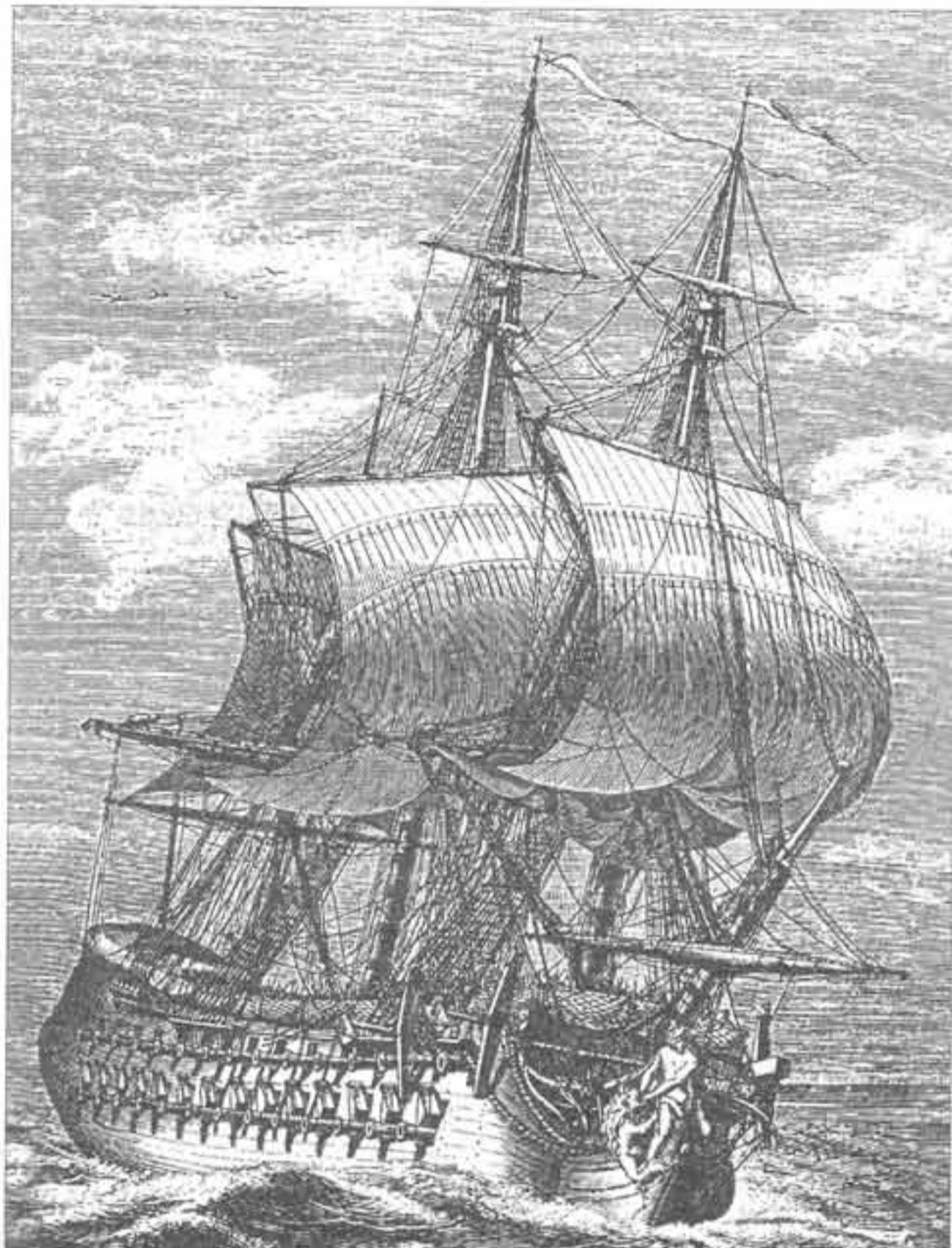
Созданная Петром III в 1762 году Морская комиссия даже не удосужилась скрыть последнего момента в своем докладе:

совсем ветхими или в близком к этому состоянию (восемь из них разломали уже в 1763 г.). То есть получается, что реально имелись лишь 14 кораблей, из которых 9 построили уже в ходе войны. До 1768 года в боевом состоянии из этих 14 сохранились только 4.

Между тем, прошедшая Семилетняя война стала войной показательной для развития военных флотов. Во многом с помощью флота Англия сумела нанести Франции решающее поражение, выиграв борьбу за моря и колонии. Наличие сильного флота и его правильное использование явственно подтвердили огромное значение военно-морской силы в войне.

Для более же конкретного представления о состоянии русского флота, остановимся вкратце на флотах основных морских держав и их военно-морском искусстве в период Семилетней войны, поскольку данный конфликт, с одной стороны, дал последнюю характеристику состояния указанных флотов, а с другой — продемонстрировал современные на тот момент тенденции развития стратегии и тактики парусных флотов.

Понимание обоих моментов имеет большое значение как для анализа предстоящих военных действий русского флота, так и для оценки развития политической ситуации. В частности,

Французский линейный корабль первой половины XVIII века

речь пойдет об английском, французском и испанском флотах.

Соотношение сил этих флотов в начале Семилетней войны 1756–1763 годов распределялось следующим образом: Великобритания имела около 120 линейных кораблей, Франция — около 60, Испания — около 50.

Однако если английский флот к окончанию войны практически сохранил свой численный состав, то силы французского и испанского флотов существенно сократились. Так, А. Штенцель указывает потери Франции в следующем виде: более 100 кораблей и транспортов, в том числе 40 линейных кораблей и более 50 фрегатов. В итоге к началу 1762 года у Франции остались

только 40 линейных кораблей и 10 фрегатов.

Потери Испании за год достигли 12 линейных кораблей. Что же касается Англии, то ее потери составили 50 кораблей и транспортов (в том числе не более 18 линейных кораблей), но большинство из них погибло вследствие крушений или бурь. Однако с учетом постоянных пополнений на боеспособности королевского флота это практически не сказалось.⁷

Таким образом, в ходе всей войны английский флот обладал численным превосходством, английская артиллерия по скорострельности и дальностью превосходила французскую, экипажи имели достаточный опыт плава-

ний. Кроме того, английские флагманы всегда придерживались наступательных принципов действий. Тем не менее укоренившийся в английском флоте догматизм в методах ведения регулярного боя (когда события должны были разворачиваться по шаблону) сводил почти все его преимущества в таком морском бою к нулю.

Французский флот обладал отличными кораблями, но имел проблемы как с нехваткой экипажей, так и с недостаточной их опытностью. Французы фактически отказались от атак в морских сражениях, а придерживались строго оборонительного метода ведения боя. Причиной этого было предпочтение крейсерской войны, ведущейся против морской торговли противника. Однако в оборонительных боях французы практически всегда переигрывали англичан.

Относительно же испанского флота можно сказать, что его военный потенциал оставлял желать много лучшего. Хотя качество кораблей было достаточно высоким, уровень профессионализма испанских моряков не выдерживал всякой критики.

Что же продемонстрировала Семилетняя война, ставшая важным ориентиром для развития флотов?

Англия начала крейсерскую войну против Франции еще в 1755 году, захватив около 300 французских судов и 6 тыс. матросов. В ответ в апреле 1756 года французы с помощью эскадры Ла-Галиссоньера нанесли удар по Менорке и осадили Порт-Магон.

18 мая к Менорке подошла английская эскадра Д. Бинга, но в сражении 20 мая, проходившем строго по шаблонной схеме (занятие наветренного положения, выстраивание линии батарии параллельно противнику, спуск на линию противника корабль против корабля) потерпела позорное поражение. И это при том, что против 12 французских линейных кораблей было 13 английских.

Поскольку это сражение стало апофеозом установившегося в тактике регулярных морских сражений догматизма, в нескольких словах напомним его суть. После того, как французы установили

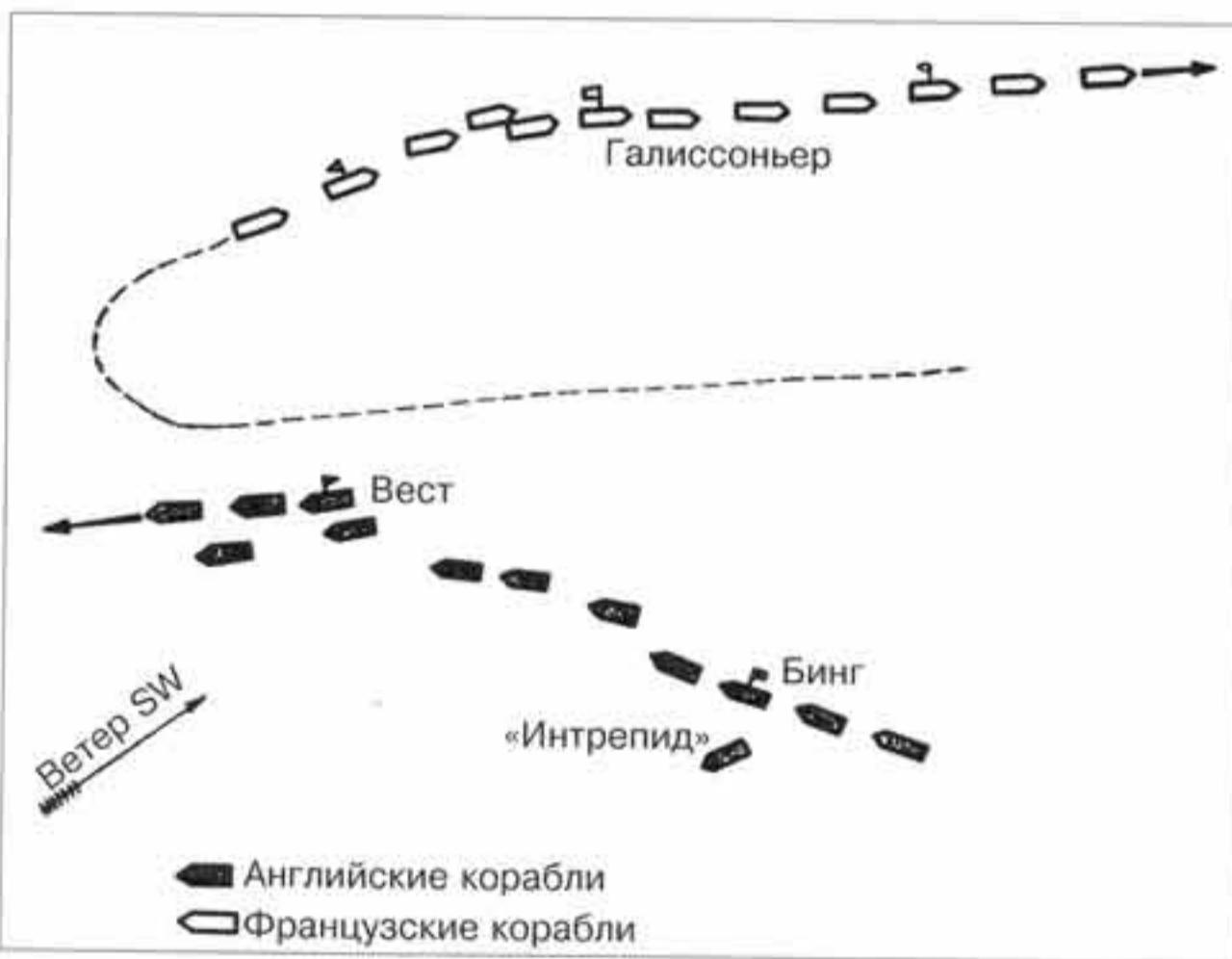
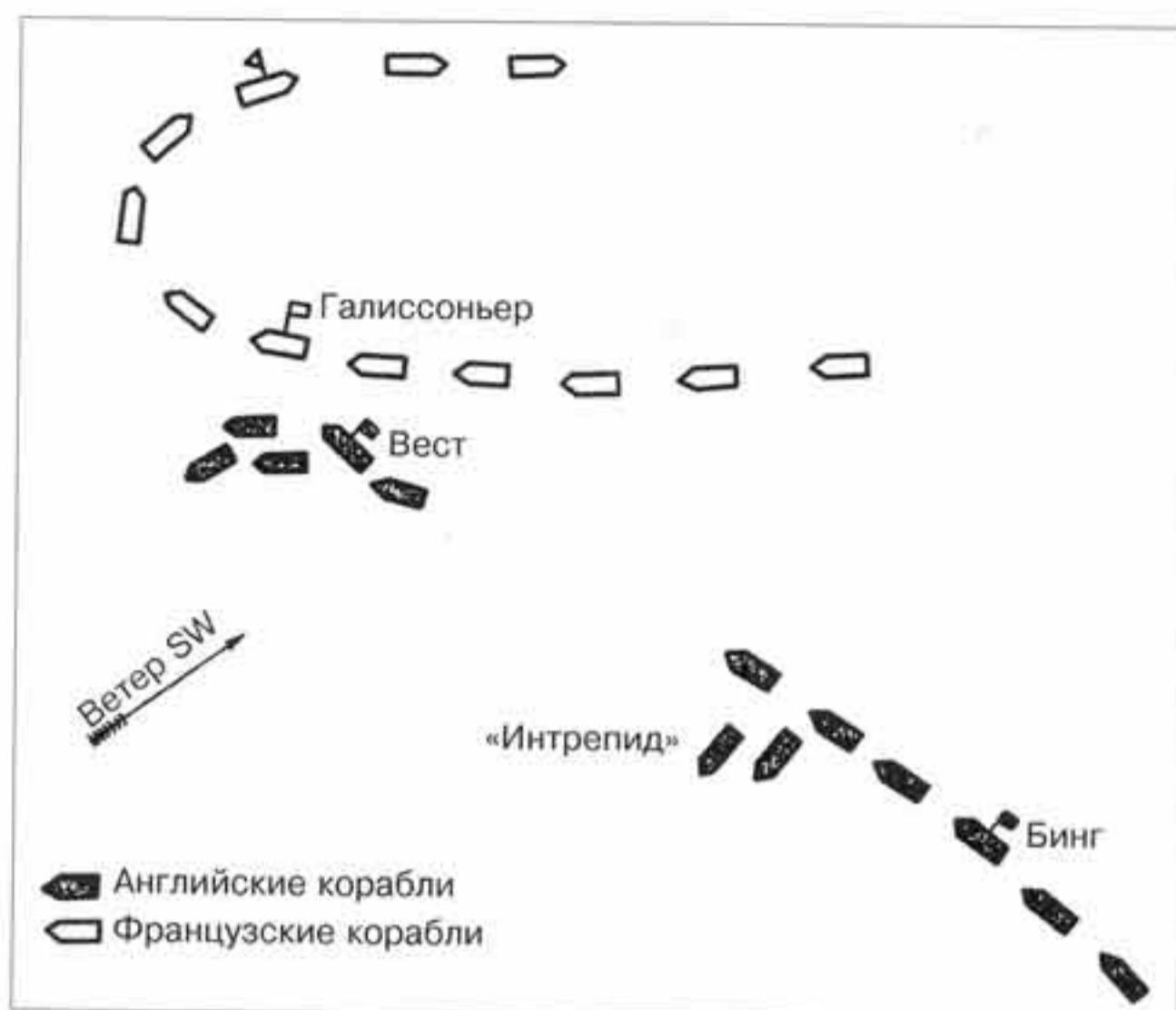
Адмирал Д. Бинг (1704–1757), командовавший английской эскадрой в сражении у о. Менорка 20 мая 1756 года. Художник Т. Хадсон

блокаду Менорки к острову неожиданно для них и подошла упомянутая эскадра Д. Бинга. Пользуясь внезапностью и имея численное преимущество, английский флагман мог нанести решительный удар по французам, однако вместо этого он потратил много времени на маневрирование для занятия выгодного наветренного положения.

Наконец, 20 мая Д. Бинг принял решение атаковать противника, но одновременно приказал своему триадцатому кораблю выйти из строя (у французов же было 12 кораблей). Эскадры начали сближаться, но когда Бинг приказал спуститься на противника, повернув на три румба, командир английского авангарда, не разобрав сигнала, повернул на семь, вследствие чего оторвался от центра своей эскадры. И здесь он попал под сосредоточенный огонь французских кораблей. Д. Бинг же не смог ему помочь: головной корабль центра также получил повреждения и он приказал уменьшить скорость, чтобы дать ему возможность вернуться в строй. Пользуясь этим, корабли французского авангарда стали выходить из линии и спускаться под ветер, а оставшаяся часть их эскадры, прибавив парусов, прошла мимо оторвавшегося от главных сил английского авангарда, нанеся ему тяжелые повреждения, после чего также спустилась под ветер. Когда Д. Бинг наконец подошел к своему авангарду, французская эскадра, спустившись под ветер и повернув на обратный курс, снова выстроилась в кильватерную колонну.

Повторять нападения Д. Бинг не стал. Англичане ушли к Гибралтару.

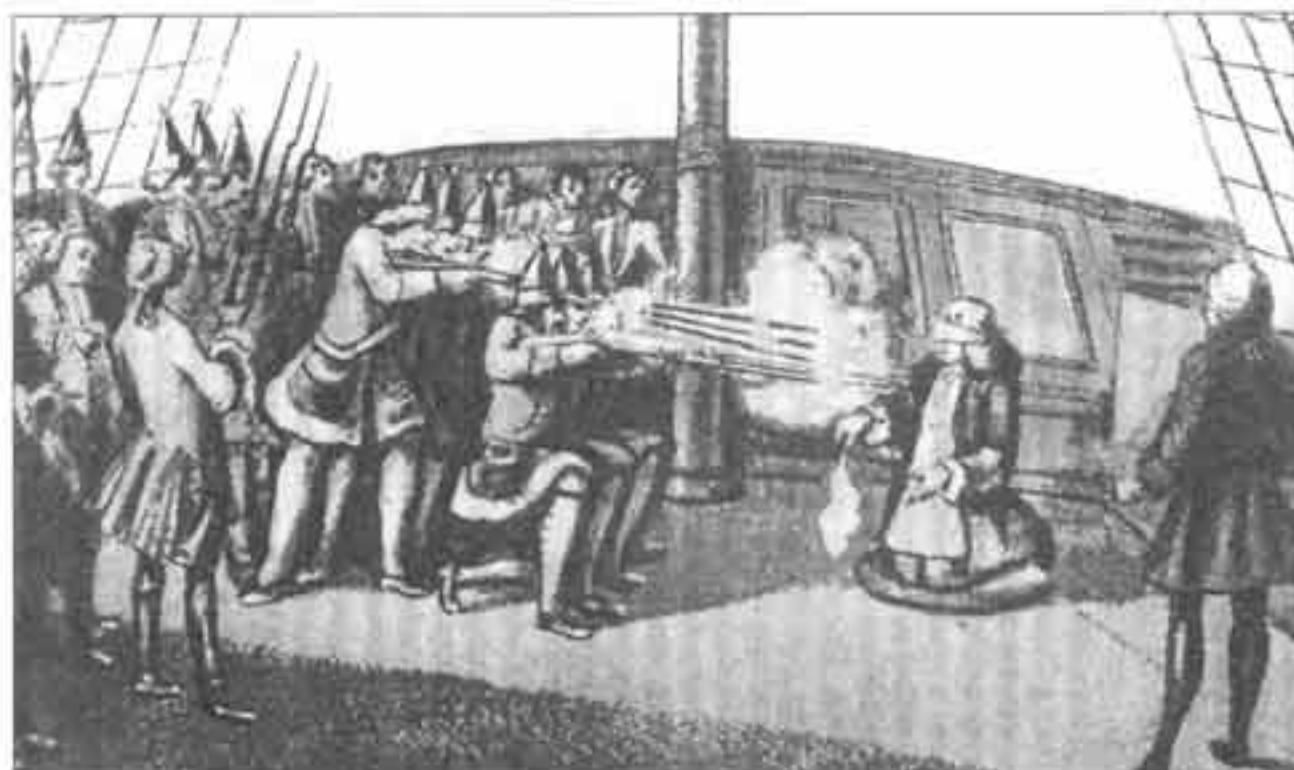
Спустя некоторое время Д. Бинга отдали под суд и расстреляли за допущенные им нарушения инструкций английского флота.

Сражение у о. Менорка продемонстрировало, таким образом, глубокий кризис тактики морского регулярного боя. Тем не менее французы праздновали успех, в результате которого

28 июня 1756 года Порт-Магон капитулировал. Захват о. Менорка, а также занятие в ноябре о. Корсики укрепили позиции Франции на Средиземном море. Англичане сохранили здесь лишь одну базу — Гибралтар.

После этих событий последовало официальное объявление войны Лондоном и Парижем. Началась ожесточенная

Казнь английского адмирала Д. Бинга за нарушение инструкций английского флота

борьба за колонии в Индии и Северной Америке, почему борьба на морских сообщениях приобрела особую важность. Англия применила близкнюю блокаду французских баз. Французы развернули широкую крейсерскую войну с помощью капреров. С 1756 по 1760 год французы захватили у англичан более 2,5 тыс. коммерческих судов. Даже в 1761 году, когда Франция не имела в море уже ни одного линейного корабля, а англичане захватили 240 французских приватиров, французы захватили 812 английских судов. В целом английские историки также признают огромную численность французских капреров и захват ими, несмотря на конвой и охрану, в 1760 году 300 торговых судов, а в 1761 году — свыше 800.

Таким образом, всего Франция захватила более 3000 английских торговых судов. Тем не менее ощутимого урона английской торговле это не нанесло, что объяснялось огромным ростом английской торговли.

Англичане также вели крейсерскую войну, но с 1756 по 1760 год захватили только 950 торговых судов Франции. Причина оказалась проста: господство английского флота привело к заморанию французской морской торговли, купцы которой просто боялись выходить в море.

Кроме того, уничтожая французскую торговлю, англичане не считались и с нейтральными судами. Так, «в течение 1758 года не менее ста семидесяти

шести нейтральных судов, нагруженных богатыми произведениями французских колоний или военными и морскими припасами, попали в руки Англии». «Очевидно, — писал по этому поводу А.Т. Мэхэн, — что уже тогда действовали те причины, которые двадцать лет спустя привели к вооруженному нейтралитету... Обладание неограниченной силой, какой морская сила Англии тогда и была в действительности, редко уживаются с глубоким уважением к правам других. Англии, при отсутствии соперника в океане, было выгодно, чтобы груз неприятеля на нейтральных судах подлежал захвату...».

Провалился, во многом благодаря британскому флоту, и план Франции по высадке войск в Англии в 1759 году. 18 августа у Лагоса была разбита французская эскадра Ла-Клю, пытавшаяся прорваться из Тулона в Брест. При этом англичане не обратили никакого внимания на нейтралитет Португалии, когда Э. Боскоуэн добивал часть французских кораблей в ее территориальных водах. «Я попал в плен у Лагоса, — писал в одном из писем будущий французский адмирал Сюффрен. — Англичане уничтожили наши корабли у самого берега, хотя те находились под защитой мола и батарей португальских фортов».

А 20 ноября английский адмирал Э. Хоук нанес тяжелый удар Брестской эскадре Франции в Киберонской бухте. А.Т. Мэхэн даже назвал Киберонское

Сражение в бухте
Киберон 20 ноября
1759 года.
Художник
Сэррэс-старший.
Фрагмент

сражение «Трафальгаром Семилетней войны», указав, что после него англичане могли не бояться высадки. Таким образом, план Франции по высадке войск в Англии оказался сорванным. Потери ее флота в обоих сражениях, по разным источникам, составили от 11 до 14 линейных кораблей. В тактическом

плане обе победы оставили двойственное впечатление: с одной стороны, они явились итогом не классического морского боя, а преследования противника, а с другой — именно этот факт позволил англичанам достичь успеха: в ходе преследования они не придерживались установленных шаблонов, что при пас-

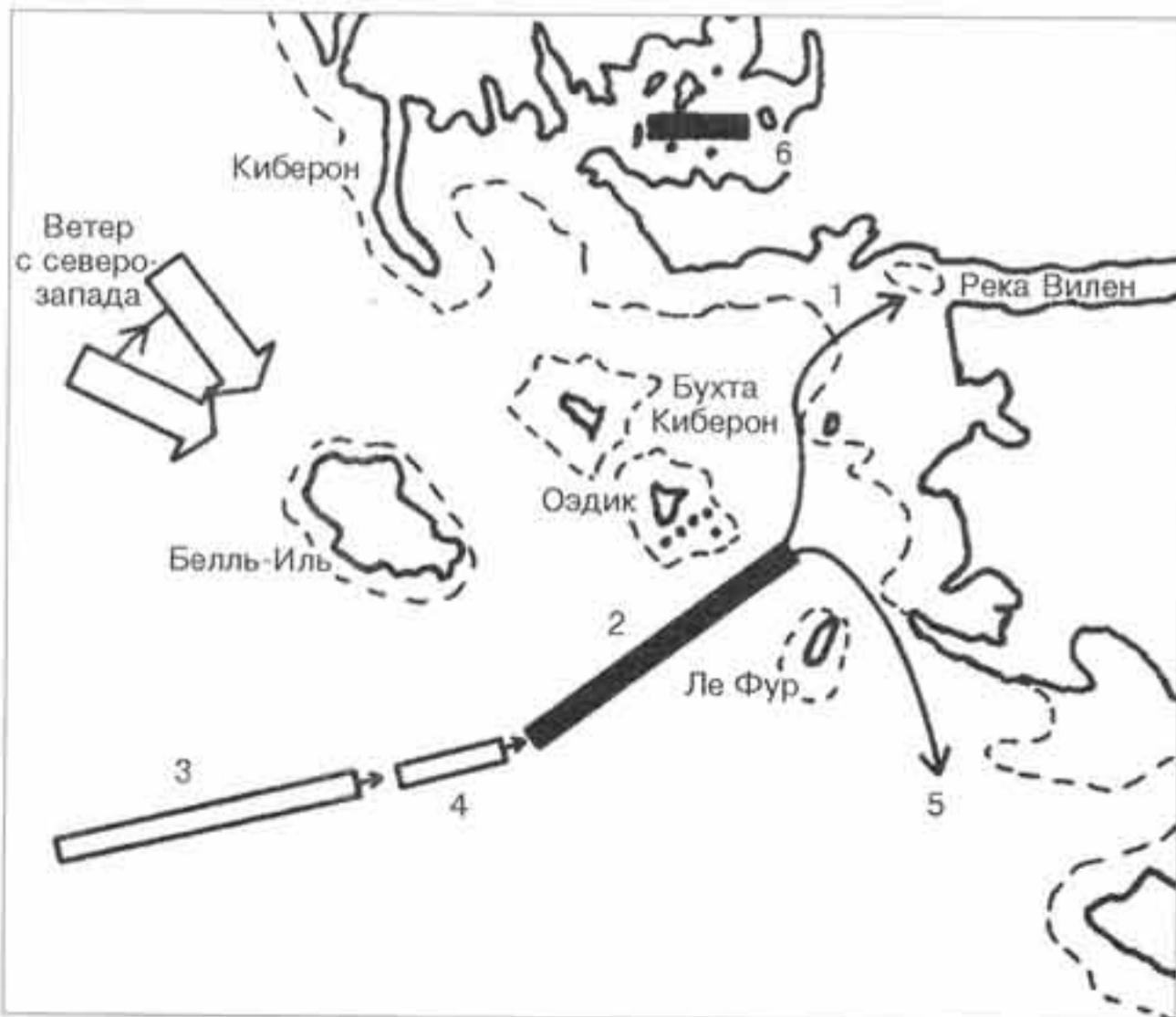

Схема сражения
в бухте Киберон
20 ноября 1759 года.
Цифрами на карте
обозначены:
1 — запертые в устье
р. Вилен французские
корабли; 2 —
французский флот;
3 — основные силы
английского флота;
4 — головные английские
корабли; 5 — уходящие
в Рошфор восемь
французских кораблей;
6 — французские
транспорты
(Тансталл Б. Морская
война в век паруса.
1650–1815 // Сражения
великих адмиралов. —
М., 2005)

сивности французов привело последних к поражению.

Между тем с помощью господства своего флота англичане добились серьезных успехов в борьбе за колонии. В 1758 году британцы заставили сдаться Луисберг (английский адмирал Э. Боскоэн, высадив войска, расположил рядом и флот, чем, с одной стороны, прикрыл начатую ими осаду с моря, а с другой — отрезал единственно возможный путь для подвоза боеприпасов осажденным).

В 1759 года с помощью флота англичане захватили Квебек, а в 1760 году французы капитулировали в Монреале. Кроме того, в том же 1760 году они упустили шанс вернуть обратно Квебек (разбив англичан перед городом, французы уже начали его осаду, но прибывшая английская эскадра быстро положила ей конец; один из британских историков писал по этому поводу: «таким образом, неприятель увидел, что значит быть слабее в море, так как имей французы эскадру для воспрепятствования английскому флоту подняться вверх по реке, Квебек должен был пасть».) Таким образом, Франция потеряла Канаду.

С 1759 года английский флот, пользуясь превосходством в силах, перешел к активным действиям по захвату вест-индских островов, принадлежавших Франции. В 1759 году он захватил о. Гваделупа, в 1761 году — Доминику. В 1762 году с помощью флота англичане захватили главный опорный пункт французов — о. Мартинику (которая, по словам А.Т. Мэхэна, являлась жемчужиной французских островов, а также центром базирования каперов Франции в Вест-Индии). За падением Мартиники последовал захват англичанами островов Гренады, Сент-Люси, Сен-Венсан. Французские каперы лишились баз. Потеря же Мартиники и Гваделупы стала даже большим ударом, чем потеря Канады, — это были «сахарные острова», которые, по мнению Вольтера, стоили многих тысяч арпанов канадских снегов.

А в 1762 году англичане также с помощью флота заставили капитулировать

испанскую Гавану. Британский флот, в частности, обеспечил доставку войск и установление блокады города. И хотя обстрел Гаваны с моря закончился серьезными повреждениями английских кораблей, однако установленная блокада все же заставила защитников города капитулировать. В результате девять испанских линейных кораблей были захвачены, три — сожжены. С падением Гаваны, а вскоре и всей Кубы Испания потеряла богатую колонию и важнейший опорный пункт на своих морских сообщениях из Европы в Центральную Америку.

В Ост-Индии Англия также достигла серьезных успехов, опираясь на морские силы. В частности, в 1761 году она захватила Пондишери, последний опорный пункт французов в Индии, и они окончательно утратили свои колонии в этом регионе. Более того, в августе 1762 года англичане, используя свой флот, находившийся в Ост-Индии и оставшийся после поражения французов в гордом одиночестве, нанесли удар по принадлежавшим Испании Филиппинским островам, которые в октябре капитулировали. В качестве их выкупа Испания заплатила 4 млн долларов.

Примерно в это же время английский флот нанес Испании еще два тяжелейших удара, захватив два ее грузовых корабля, перевозящих драгоценности из Акапулько и Лимы в Испанию; общая сумма добычи составила 7 млн долларов.⁸

«Никогда колониальные владения Испании не получали таких ударов. Испания, своевременное вмешательство которой могло бы изменить исход войны, приняла в ней участие слишком поздно для того, чтобы помочь Франции, но вовремя для того, чтобы разделить с ней ее несчастья. Была причина бояться еще большего. Панама и Сан-Доминго находились в опасности, а англо-американцы приготовлялись для вторжения во Флориду и Луизиану... Завоевание Гаваны помешало в значительной мере сообщениям между богатыми американскими колониями Испании и Европой. Покорение Филиппинских островов изгнало теперь Испанию из Азии...».

Наконец, нельзя не отметить проведенную британским флотом в 1761 году операцию по захвату крепости острова Бель-Иль, располагавшегося у входа в Киберонскую бухту (атлантическое побережье Франции), что дало англичанам отличную базу для слежения за французским флотом и борьбы с судоходством противника. А. Штенцель отмечает в этой операции отличное взаимодействие английского флота и войск.

Подводя итоги действий главных морских держав, нужно отметить следующее. Британский флот сломил французский без генерального сражения, причиной чего во многом стала французская стратегия. Англичане же, наоборот, продемонстрировали чрезвычайную активность и напористость, не останавливаясь даже перед нарушением нейтралитета нейтральных стран: фраза «Цель оправдывает средства» стала фактическим девизом английского флота.

Французы же оказались биты из-за распыления сил и чрезмерной пассивности своего флота, который рассматривался ими лишь как призрак армии. Ставка же на одну, пусть и неограниченную, крейсерскую войну не сработала — этого оказалось явно мало.

Таким образом, в военно-морском искусстве были ярко продемонстрированы две формы ведения морской войны: борьба за обладание морем через борьбу с флотом противника и крейсерская война против неприятельского судоходства при использовании своего флота в качестве поддержки сухопутных войск.

Во время Семилетней войны появилась и новая форма ведения морской блокады. До 1759 года это была ближняя и открытая блокада, заключавшаяся в том, что у блокируемой базы противника непрерывно находился лишь блокадный дозор, а основные силы располагались в ближайшей собствен-

ной базе. В 1759 году форма блокады изменилась. Вместо ближней открытой англичане приступили к ближней закрытой блокаде порта, которая хотя и требовала большего напряжения блокирующих сил, являлась наиболее сильной формой таких действий.

Наконец, Семилетняя война великолепно показала всю значимость развитого торгового и вспомогательного флота.

В тактическом же отношении в регулярных морских сражениях все осталось по-старому. Французы сохранили свою оборонительную тактику, боящуюся всяких жертв, а англичане не ушли от устарелых приемов атаки, выработанных еще в конце прошлого столетия; старые схемы по-прежнему всецело властвовали в этой сфере. Сражение у острова Менорка, произошедшее в 1756 году, стало отличным показателем ситуации, сложившейся в тактике проведения регулярных морских сражений.

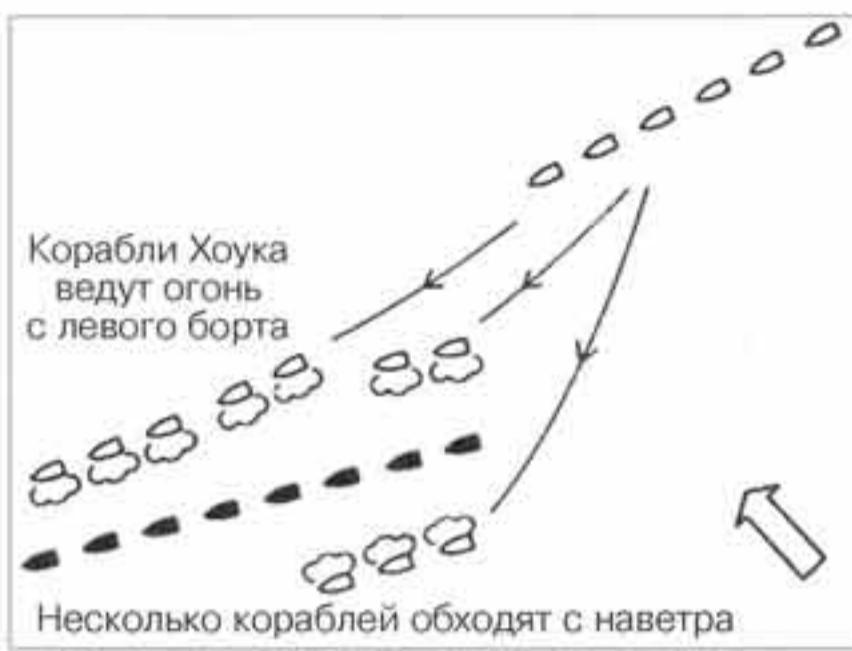
Тем не менее бой при Менорке имел и другую сторону. Французы еще раз продемонстрировали великолепное искусство обороны в регулярном морском бою, а также просто показали, как нужно избегать решительной фазы боя и при этом добиваться успеха. Приводим эти принципы, заложенные еще М. Рейтером и доведенные французы до совершенства.

Заняв подветренное положение, французский флот в кильватерной колонне ожидал подхода противника. Когда флот противника начинал опускаться, имея возможность вести огонь только из носовых орудий, французские корабли с предельной дистанции открывали огонь из всех бортовых орудий и уже в период сближения наносили английскими кораблям значительные повреждения в рангоуте. Когда же англичане подходили на дистанцию действительного артиллерийского огня и собирались лечь на параллельный курс, французский флот спускался под ветер и на значительном расстоянии снова выстраивался в линию баталии. Атаковать же английский флот французы не собирались: они не считали это главной задачей для своего флота.

Однако сражения, произошедшие в Семилетней войне после преследования англичанами французов, благодаря Э. Боскоузну и Э. Хоуку, продемонстрировали отход британского флота в таких сражениях от шаблонов и возобновление творческого использования тактических приемов. В частности, в данных сражениях англичане применили действия кораблей по способности, концентрацию сил на части французских эскадр, взятие их в «два огня». Но пока это были приемы, возможные только в строго конкретном виде морского боя — боя после погони, в которой соблюдение строя в английском флоте не являлось обязательным, что и позволяло командирам кораблей действовать творчески.

Эти сражения являлись тем более показательными, что англичане действовали указанным способом против отступающих французских эскадр уже во второй войне подряд. Впервые такие действия английские моряки применили еще во время войны за Австрийское наследство 1740–1748 годов. Речь, в частности, идет о двух сражениях у мыса Финистерре, произошедших в 1747 году между английскими и французскими эскадрами. В обоих случаях более сильные британцы разбили французов, пытавшихся прикрыть сопровождаемый ими конвой. В обоих случаях разгром явился результатом боя в виде свалки, произошедшей после «общей погони» англичан (т. е. погони без соблюдения строя).

Для примера приведем ситуацию второго боя у м. Финистерре (14 октября 1747 г.), более важную тем, что в Семилетней войне тот же Э. Хоук разовьет примененный им тогда прием. 14 октября 1747 года тогда еще контр-адмирал Э. Хоук, обнаружив французский конвой и эскадру прикрытия (9 линейных кораблей и 250 торговых судов), и имея всего 15 линейных кораблей, немедленно начал погоню за противником без построения линии. Быстро приблизившись к нему, он начал строить линию баталии, но французы вновь стали отрываться. И тогда Э. Хоук опять применил общую пого-

*Второй бой у мыса Финистерре
14 октября 1747 года*

нию, в результате которой догнал противника, следя беспорядочным строем, и, теперь уже не перестраиваясь, атаковал с двух сторон построившихся в линию французов.

В итоге произошла характерная для морских сражений середины XVII века «свалка» в ходе которой семь французских кораблей были пленены и только двум удалось уйти. И если в войне 1740–1748 годов англичане провели общее преследование только француз-

Адмирал Э. Хоук (1709–1781), командовавший английской эскадрой во втором бою у мыса Финистерре 14 октября 1747 года. Художник Ф. Коутс

ских сил, сопровождавших конвой, то в войне 1756–1763 годов произошли подобные атаки уже самостоятельных французских эскадр (сражения у Лагоса и в Киберонской бухте).

Говоря об итогах действий английского и французского флотов, нельзя не коснуться и кораблей, из которых они состояли. Тем более что в британ-

ском флоте наметились существенные изменения. Речь здесь идет о следующем.

В 1745 году английское Адмиралтейство полностью заморозило развитие линейного корабля, приняв «штат 1745 года», по которому старые корабли следовало впредь заменять новыми, но точно такой же конструкции. Напомним, что к этому времени основные силы английского флота составляли 70- и 60-пушечные линейные корабли 3-го ранга. Однако в 1755 году пост инспектора военно-морского флота занял сэр Томас Слейд. Он решил покончить со штатом 1745 года и уже через месяц после своего назначения для замены двух старых 70-пушечных кораблей представил проект 74-пушечных с 28 бортовыми орудийными портами и 18 портами на полубаке и квартердеке. Так появились линейные корабли Дублинского класса — первые 74-пушечные корабли королевского флота.

В ходе же Семилетней войны идея таких кораблей получила широкое распространение. В дальнейшем линейные корабли III ранга сохраняли 74-пушечную конфигурацию, хотя размер их самих при этом вырос. Между тем и лорд Ансон также перешел на сторону Слейда. В результате уже в Семилетней войне 74-пушечные английские корабли доказали свое превосходство, представляя собой идеальный компромисс между вооружением и мореходностью.

Когда же в 1761 году спроектированный Т. Слейдом 74-пушечный линейный корабль «Bellona» сумел захватить более крупный французский 74-пушечный «Courageux», превосходство британских кораблей стало несомненным. Как писал британский историк Б. Лейвери, решительная победа в Кибернской бухте над флотом, имевшим примерно равную численность, «положила начало череде английских побед, завершившихся триумфом при Трафальгаре... Ансон дал флоту новые корабли и новый дух, превратив флот в разрушительную боевую силу, которой Нельсон сумел эффективно воспользоваться».

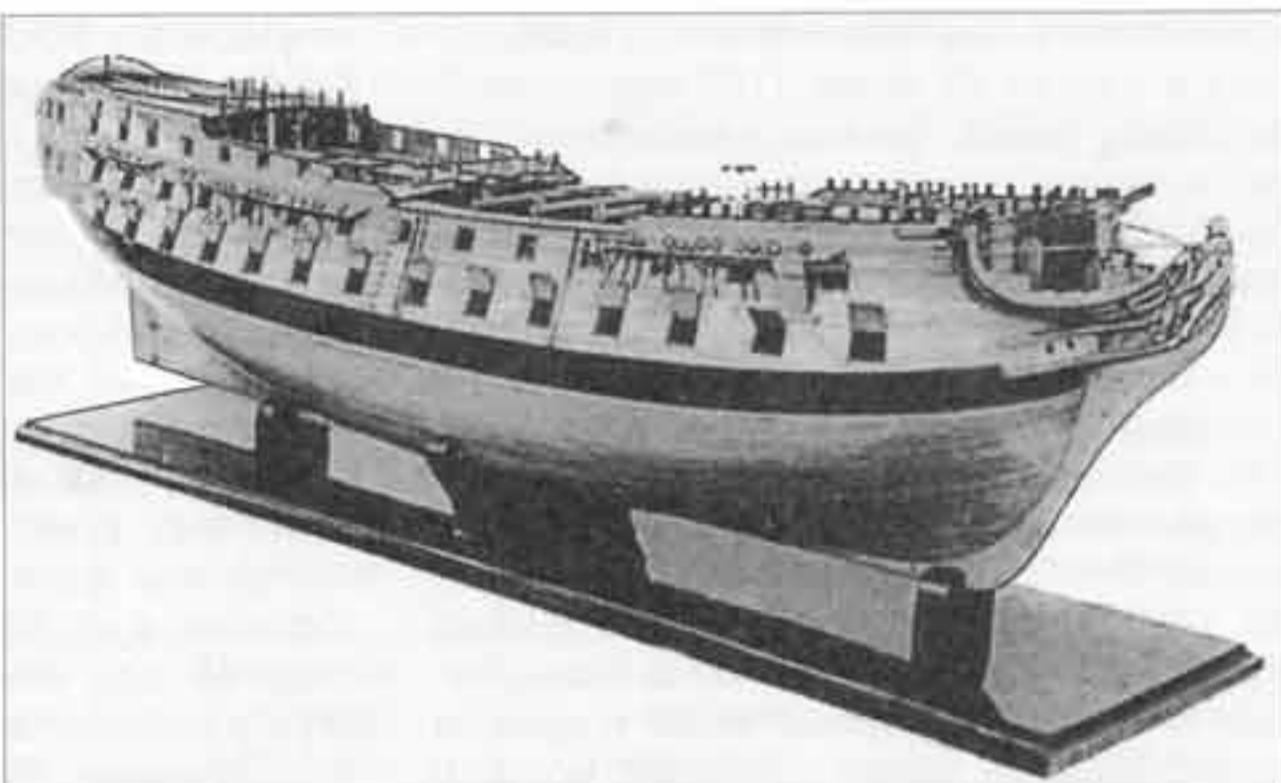
Хотя, Б. Лейвери здесь, безусловно, упростил ситуацию, и до действительно

Модель английского 74-пушечного корабля «Егтонт», относившемуся к «обычному» классу кораблей, спроектированных Т. Слейдом.

Спущен на воду в 1768 году.

В 1797 году участвовал в бою при мысе Сен-Винсент.

(Британские линейные корабли // Война на море. — 2005. — № 11)

крупных английских побед была еще и череда неудач в войне 1775–1783 годов против США, Франции, Испании и Голландии, тем не менее, достигнутые британцами в Семилетней войне успехи в тактике и кораблестроении сыграли свою значимую роль. В частности, в английском флоте перешли к актив-

«Морская война заняла место рядом с сухопутной войной; она сделалась уже не только вспомогательной войной, как это было еще в войне за испанское наследство, но заняла самостоятельное и даже главное место, а сухопутные операции, без которых невозможно вообще довести до конца какую бы то ни было войну, наоборот, заняли второстепенное место, как вспомогательные. Но эту истину уразумели только в Англии; континентальные же государства, и в особенности Франция, не дорошли еще до понимания этого, как мы еще не раз увидим дальше. Дорогостоящие флоты все еще продолжали казаться другим государствам не более как неизбежным злом».

Какие же уроки извлекли из этой войны ее участники? Англия, достигшая побед без генерального сражения и уверовавшая в свою непогрешимость, отошла от господствовавшего в 1740–1750-х годах правила об обязательном численном равенстве королевского флота соединенным флотам двух королевств Бурбонов, за что британскому флоту придется поплатиться уже в следующей большой войне.¹⁰ При этом, правда, нужно отметить, что начатое еще до Семилетней войны техническое совершенствование английского флота заметно усиливается. Флот Испании продолжит оставаться на том же уровне, когда при значительном списочном составе кораблей в реальности он будет представлять лишь удобного «мальчика для битья».

ной замене старых 60- и 70-пушечных линейных кораблей новыми 74-пушечными.⁹ Это было тем более важно, что по качеству своих линейных кораблей англичане пока уступали французам.

В завершении приведем следующее высказывание А.Т. Мэхэна относительно итогов Семилетней войны:

«Морская война заняла место рядом с сухопутной войной; она сделалась уже не только вспомогательной войной, как это было еще в войне за испанское наследство, но заняла самостоятельное и даже главное место, а сухопутные операции, без которых невозможно вообще довести до конца какую бы то ни было войну, наоборот, заняли второстепенное место, как вспомогательные. Но эту истину уразумели только в Англии; континентальные же государства, и в особенности Франция, не дорошли еще до понимания этого, как мы еще не раз увидим дальше. Дорогостоящие флоты все еще продолжали казаться другим государствам не более как неизбежным злом».

А вот Франция и Россия уроки извлекут. Во Франции начнется последний перед Великой Французской революцией период расцвета флота. А.Т. Мэхэн писал: «За уничтожением французского флота в 1759 году последовал взрыв национального энтузиазма в пользу восстановления его... Пожертвования городов, корпораций и частных лиц образовали значительные фонды. Гигантская деятельность закипела в недавно молчаливых портах. Везде корабли строились и исправлялись».

В русском флоте также начнется эпоха возрождения, но ей он будет обязан в большей степени личности новой императрицы, сумевшей по достоинству оценить значение морской силы, нежели непосредственным итогам Се-

милетней войны. Екатерина II, пришедшая к власти 28 июня 1762 года, ставила перед собой большие политические цели, желая превратить Россию в крупную влиятельную державу на мировой арене. А здесь как наглядно продемонстрировала та же Семилетняя война, без опоры на мощный флот было не обойтись. К тому же было очевидно, что сильный флот понадобится очень скоро: во второй половине XVIII века перед Россией еще более остро всталася задача разрешения черноморской проблемы. Ее суть состояла в получении выхода на Черное море с правом мореплавания через проливы Босфор и Дарданеллы и изменении положения Крымского ханства (т. е. требовалось или его присоединение к России или провозглашение независимости, но под контролем Российского государства).

Однако монопольное господство на Азовском и, главное, Черном морях, а также обладание Северным Причерноморьем и Крымом были важнейшими стратегическими позициями Турции. Естественно, что уступать здесь ни пяди своих владений Оттоманская Порта не собиралась.

Сравнительные данные штатов Балтийского флота России 1757 и 1764 годов

Класс корабля	Штат 1757 года	Штат 1764 года Комплект мирного времени	Штат 1764 года Малый комплект военного времени	Штат 1764 года Большой комплект военного времени
100-пушечные линейные корабли	1	-	-	-
80-пушечные линейные корабли	8	3	10	10
66-пушечные линейные корабли	15	18	22	30
54-пушечные линейные корабли	3	-	-	-
Всего линейных кораблей	27	21	32	40
32-пушечные фрегаты	6	4	8	8

Из приведенной таблицы можно сделать следующие выводы: о стремлении рационально использовать средства на развитие флота (зачем в мирное время большое количество кораблей) при серьезном усилении его в военное время, а также об укреплении его линейных сил за счет отказа от 54-пушечных и окончательном принятии на вооружение в качестве основного типа 66-пушечный линейный корабль.

Важные изменения предполагались и по новому артиллерийскому регла-

менту 1767 года. По нему, в частности, предусматривалось усиление корабельной артиллерии за счет увеличения калибров орудий.

Стоит отметить, что в артиллерийском регламенте русского флота от 1767 года не были отмечены единороги, успешно примененные Балтийским флотом в 1761 году и существенно повысившие его огневую мощь. Тем не менее 13 марта 1769 года, по решению Адмиралтейств-коллегии, на кораблях уходившей в Архипелаг эскадры

Сравнительные данные по артиллерийскому вооружению кораблей и фрегатов русского и английского флотов к 1768 году

Класс корабля	Деки	Калибр орудий по штату английского флота 1716 года	Калибр орудий по штату русского флота 1722 года	Калибр орудий по штату русского флота 1767 года
100-пушечный	Нижний дек Средний дек Верхний дек Галф-дек	42-фунтовые 24-фунтовые 12-фунтовые 6-фунтовые	30-фунтовые 18-фунтовые 8-фунтовые 6-фунтовые	36-фунтовые 18-фунтовые 8-фунтовые 6-фунтовые
80-пушечный	Нижний дек Средний дек Верхний дек Галф-дек	32-фунтовые 12-фунтовые 6-фунтовые —	24-фунтовые 16-фунтовые 8-фунтовые 6-фунтовые	30-фунтовые 18-фунтовые 8-фунтовые 6-фунтовые
60-/66-пушечный	Нижний дек Верхний дек Галф-дек	24-фунтовые 9-фунтовые 6-фунтовые	24-фунтовые 12-фунтовые 6-фунтовые	30-фунтовые 12-фунтовые 6-фунтовые
50-/54-пушечный	Нижний дек Верхний дек Галф-дек	18-фунтовые 9-фунтовые 6-фунтовые	18-фунтовые 8-фунтовые 4-фунтовые	— — —
32-пушечный	Верхний дек Галф-дек	9-фунтовые 6-фунтовые	12-фунтовые 6-фунтовые	16-фунтовые 6-фунтовые

Г.А. Спиридова были установлены единороги (по два на линейный корабль). Такое же дополнительное усиление получили и корабли эскадры Д. Эльфинстона. Архипелагские же эскадры, начиная с третьей, вооружались по принципу: четыре единорога на линейный корабль.

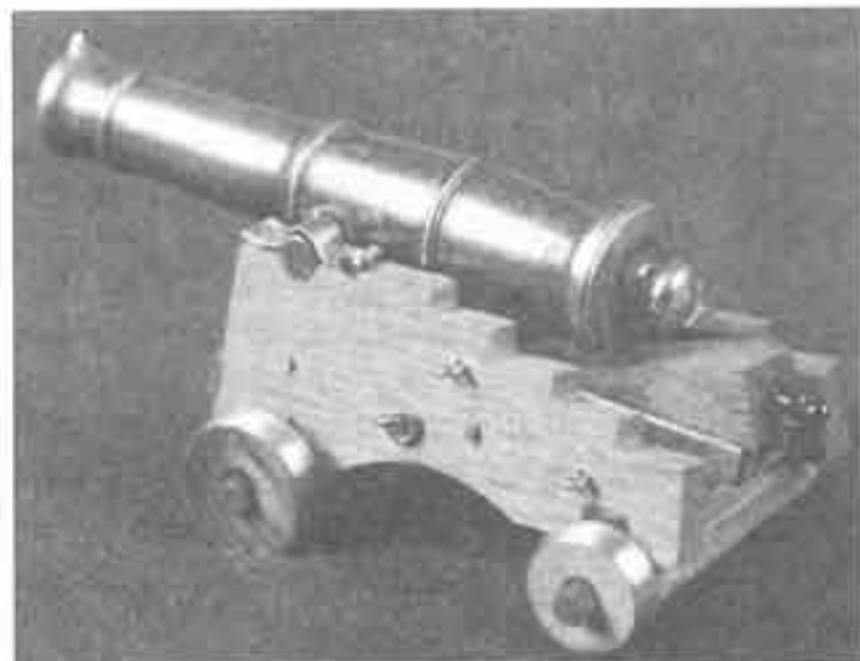
Укажем также, что сам принятый в 1767 году артиллерийский регламент серьезного распространения в войне 1768–1774 годов еще не получил. Так, 66-пушечные линейные корабли Балтийского флота несли на нижних деках преимущественно 24-фунтовые пушки. На 32-пушечных фрегатах же также стояли еще не 16-, а 12-фунтовые пушки.

Наконец, при Екатерине II восстанавливается система стажировки русских моряков на иностранных флотах (в данный период пока только на английском), а на русский флот вновь начали активно привлекать иностранцев.

Кроме того, в 1764–1765 годах вояж в Средиземное море совершил фрегат «Надежда Благополучия», ставший первым русским кораблем, появившимся в этом море, ибо до этого момента далее Кадикса ни один корабль из России не бывал. Официальной целью этого похода стали торговые дела. В частности, была образована компа-

ния тульского купца Владимира для непосредственной торговли с Италией через Средиземное море. Екатерина II же предоставила фрегат (вооруженный пушками, с командиром и экипажем из военных моряков), который и доставил в Ливорно железо, юфтъ, парусное полотно, воск, канаты. Однако ряд отечественных историков указывают также на то, что таким способом Петербург зондировал возможность действий в Средиземном море в предстоящей войне с Турцией.

Дополнительное подтверждение этой версии придает следующий факт. В 1763 году в Грецию из России были

Единорог на корабельном станке

направлены два «русских грека» — некий М. Саро и артиллерийский офицер Папазули.

Саро вернулся из командировки в мае 1765 года и сообщил: «Сpartанский народ христианского закона и греческого исповедания, и хотя живет в турецких владениях, но туркам не подчинен и их не боится, а даже воюет с ними. Живет в горах и в таких малодоступных местах, что турки к нему подступиться не могут». Более того, далее он указал: «По моему усердию смею представить о том, чтоб отправить в Средиземное море против турок 10 российских военных кораблей и на них нагрузить пушек довольноное число; завидевши их, греки бросились бы на соединение с русскими; у греков есть свои немалые суда, но их надобно снабдить пушками; сами же греки — народ смелый и храбрый».

Однако, несмотря на все предпринятые меры, события 1762—1768 годов показали все же не самое лучшее состояние русского флота. Апофеоза его кризис достиг на учениях 1765 года, которые были начисто провалены. Речь идет о показательных маневрах в присутствии Екатерины II практической эскадры Балтийского флота под командованием адмирала С.И. Мордвинова близ Красной Горки у Гаривалдая.

Проблемы начались с самого начала. В связи с необходимостью в 1765 году привести из Архангельска построенные там корабли, а потому за недостатком команд пришлось сократить практическую эскадру Балтийского моря, назначив в нее лишь 6 фрегатов и 13 малых судов. Далее выяснился крайне низкий уровень подготовки русских моряков. Екатерина, посетив эскадру, в своем письме к Н.И. Панину так описала горестную картину виденного ею: «Адмирал хотел, чтобы они (суда. — Авт.) выровнялись в линию, но ни один корабль не мог этого исполнить...». Однако, несмотря на неудачу с построением, желая показать императрице эффектную картинку, эскадра подошла к Гаривалдаю, около которого на берегу был построен «городок для бомбардирования». По последовавшему затем сигналу рус-

ские корабли приблизились к нему на близкое расстояние, после чего стали на якоря и открыли огонь. С городка также ответили артиллерийским огнем, но поскольку с эскадры никак не могли добиться его уничтожения, то, вскоре, он был покинут «защитниками», предварительно зажегшими его. «Маневры» закончились.

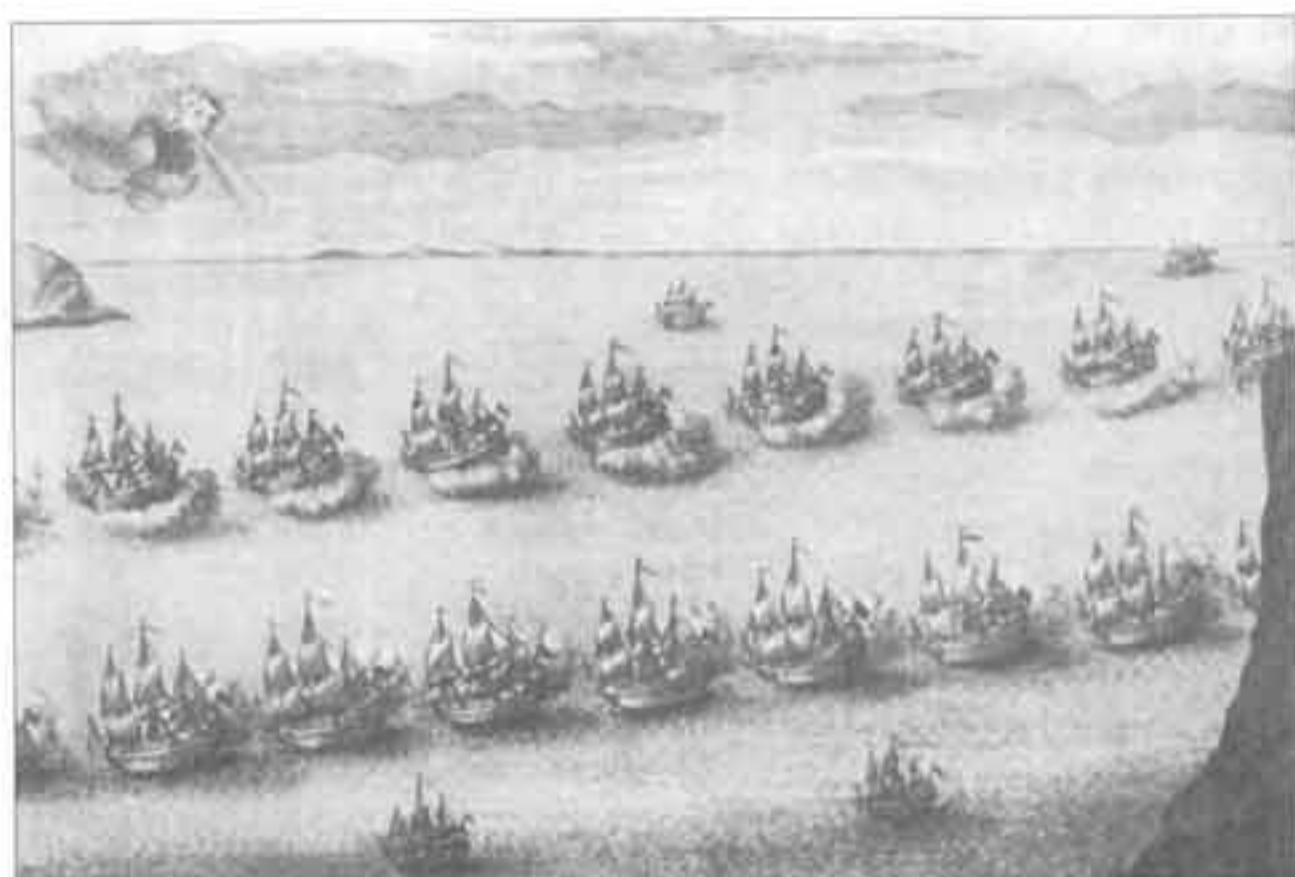
Однако их итоги не обманули Екатерину II. Разочарованная увиденным зрелищем, она так писала Н.И. Панину:

«...До 9 часов вечера стреляли бомбами и ядрами, которые не попадали в цель. Так как моей ушной перепонке надоел этот шум, столь же смешной, сколько и бесполезный, то я велела просить к себе адмирала, простилась с ним и просила не настаивать более на сожжении того, что оставалось от города, так как приняли предосторожность, прежде обстреливания его, привязать в разных местах его пороховые приводы, которые не преминули произвести свое действие гораздо лучше, чем ядра и бомбы. Эту пустейшую экспедицию только мы и видели. Сам адмирал был чрезвычайно огорчен таким ничтожеством, и он признается, что все, выставленное на смотр, было из рук вон плохо. Надобно сознаться, что корабли походили на флот, выходящий каждый год из Голландии для ловли сельдей, но не на военный, так как ни один корабль не умел держаться в линии».

Не менее жесткой была и ее итоговая оценка: «У нас в излишестве кораблей и людей, но нет ни флота, ни моряков...».

Отдельно нужно сказать об офицерах и флагманах русского флота. Среди них были достаточно распространены невысокий уровень знаний, нежелание учиться, пассивность, стремление действовать только по инструкции. Пропагандировалось жесткое отношение к нижним чинам (жесткость наказаний, руко-прикладство, использование в своих интересах). В целом же Ф.Ф. Веселаго так оценивает состояние личного состава флота в 1760-х годах: «В числе морских офицеров того времени, за исключением весьма немногих единиц хорошо образованных, было также

Морской бой по правилам линейной тактики

сравнительно немного способных, сведущих практиков, и затем остальная часть служащих представляла инертную массу, державшуюся привычной рутины и способную не к самостоятельной, но только к подчинительной деятельности, требующей разумного руководителя в лице взыскательного начальника. Нравы тогдашних морских офицеров, сходные впрочем, с нравами большинства современного им общества, поражали своей грубостью даже английских моряков, также не отличавшихся особенной мягкостью. На пьянство, называвшееся тогда официально «шумством», и на кулачную расправу с нижними чинами начальство тогда смотрело снисходительно, как на явление обычное и неизбежное. Основанием судовой дисциплины служил деспотизм командира. Существование обязательных консилиумов и неуместные ссылки офицеров на статьи регламента поддерживали своеобразство подчиненных. Продовольствие команды было возложено на командиров судов, из которых некоторые сильно злоупотребляли этим доверием, что, конечно, не оставалось без вредного влияния на дух экипажа корабля и дисциплину».

В общем, к 1760-х годам вполне можно отнести высказывание того же Веселаго, сделанное по отношению к 1750-м годам: «Хотя в строю и администрации было не мало людей сведущих и отли-

чающихся честной служебной энергией, но это были только искры живого огня, тлевшие среди омертвой массы. Все двигалось неохотно, рутинно, как будто под влиянием толчка какой-то давно исчезнувшей силы».

И начало первой Архипелагской экспедиции полностью подтвердило все проблемы.

Деятельность русского флота регламентировалась Морским уставом 1720 года. Он подробно расписывал всю жизнь флота, в том числе обязанности командиров кораблей и эскадр. Разбирались и их действия в морском бою, который строился согласно господствовавшим в это время канонам линейной тактики. В частности, важнейшими положениями здесь были: 1) расположение кораблей при появлении противника «...в своих местах добрым порядком, по данному им ордеру» с сохранением в последующем линии, чтобы неприятель не мог сквозь нее прорваться; 2) открытие огня по противнику только с близкого расстояния; 3) обязанность флагмана в начале боя попытаться выиграть ветер у флота противника, но при этом с сохранением «ордера баталии»; 4) запрещение кораблю покидать свое место в линии баталии без сигнала флагмана (кроме случаев тяжелого повреждения корабля) под страхом наказания командира вплоть до смертной казни; 5) запрещение стрелять в про-

тивника через свои корабли; 6) наказание командира корабля за отступление из боя или бегство без разрешения смертной казнью; 7) разрешение покидать линию баталии для преследования неприятельских кораблей только по разрешению флагмана или если линия противника полностью разбита.¹¹

Данные положения играли в бою безусловно важную роль, однако, к сожалению, нужно отметить, что в русском флоте они зачастую превращались в незыблемую догму, подлежащую 100-процентному выполнению. Во многом это объяснялось тем, что в среде русских моряков существовало серьезное увлечение английским флотом, где в середине XVIII века догматизм достиг большого расцвета. Отдельного упоми-

нания требует укоренившаяся привычка собирать многочисленные консилиумы перед действиями и нежелание многих командиров рисковать, для чего часть из них не брезговала даже ложными сведениями о состоянии своих кораблей (это проявилось при походе эскадры Г.А. Спиридова и во флотилии А.Н. Сенявина).

Таким образом, русский флот к 1768 году находился далеко не в оптимальной форме, а меры, предпринятые русским правительством в 1762—1768 годах, означали лишь первые шаги по выводу его из затянувшегося кризиса. Тем не менее Екатерина II решилась использовать флот в такой сложнейшей операции, каковой являлась экспедиция в Архипелаг.

Примечания

¹ Россия вступила в войну в 1757 году, а вышла из нее в начале 1762 года, когда пришедший к власти Петр III, заключив с Пруссией сначала мир, а затем и союз, отдав Фридриху II все завоевания русского оружия без какой-либо компенсации.

² Правда, уже само начало войны позволило Балтийскому флоту избавиться от кораблей и фрегатов, годных только для статистики. В частности, в 1756 году в Кронштадте были разломаны семь линейных кораблей (пять 66-пушечных и два 54-пушечных) и фрегат. Кроме того, правительство вынуждено было резко активизировать судостроительные работы.

³ Коробков Н.М. Русский флот в Семилетней войне. — М., 1946. — С. 49.

⁴ Там же. С. 133—134.

⁵ В качестве наглядного примера укажем следующее. После продемонстрированной в 1757 году значимости флота Конференция, планируя действия на 1758 год, все равно предписала вооружить только девять линейных кораблей, считая, что в будущей кампании задачи флота будут весьма ограниченными. Однако последовавшее затем «неожиданное» прозрение об опасности появления английского флота вызвало указ от 24 февраля 1758 года о скорейшем вооружении уже всех кораблей, которые «токмо надежно в море держаться могут». То есть, вопрос о том, что флот может быть широко использован против неприятельских берегов и приморских крепостей даже не рассматривался. В результате экспедиция отряда русских войск в 1758 году к Кольбергу, не поддержанная флотом, провалилась. Налицо непонимание Петербургом всех возможностей флота и отсутствие продуманной военно-морской стратегии в данной войне.

⁶ А потом отечественные флагманы еще жаловались на русских матросов, превознося иностранные флоты, особенно английский. При этом П.И. Ханыков, например, писал в конце XVIII века, побывав с эскадрой в Англии, что наши матросы резко изменились после встречи с английскими, начав стараться не уступать англичанам в скорости взятия рифов, прибавки или убавки парусов и, что «теперь исполняют в 3 или 4 минуты такие работы, с которыми прежде едваправлялись в 10 и 12 минут». Какое отношение к подготовке, такая и результат!

⁷ Штенцель А. История войн на море. — Т. 2. — М., 2002. — С. 376.

⁸ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660—1783. — М.; СПб., 2002. — С. 350.

⁹ Британские парусные линейные корабли // Война на море. — 2005. — № 11. — С. 6—7.

¹⁰ Мэхэн А.Т. Указ. соч. — С. 579.

¹¹ См. соответственно: Книга устав морской. — СПб., 1763: книга 1, глава 1, статьи 24, 25, 27; книга 3, глава 1, статьи 78, 79, 86, 87.